

Mira Vane

Сад
на двоих

Mira Vane

Сад на двоих

«Автор»

2026

Vane M.

Сад на двоих / M. Vane — «Автор», 2026

«Сад на двоих» — азиатское фэнтези о хрупкой магии чувств в мире, где любовь объявлена нарушением. В империи, где даже цветение подчинено воле императора, существует запретный сад — он раскрывает лепестки лишь тогда, когда рядом стоят двое, чьи сердца бьются в унисон. Лина, юная садовница, всю жизнь провела в изоляции: её связь с садом слишком сильна, а эмоции способны нарушить хрупкий баланс цветения. Её мир переворачивается в одну тихую ночь, когда в сад пробирается Кай — беглый страж, скрывающийся от наказания. Их случайная встреча пробуждает древнюю магию: сад расцветает с небывалой пышностью, словно кричит о силе зарождающихся чувств. Слишком яркое цветение не остаётся незамеченным. Император Шэнь видит в этом угрозу устоявшемуся порядку, а приближённые плетут интриги, чтобы использовать магию сада в своих целях. Лине и Каю предстоит сделать мучительный выбор: расстаться, чтобы спасти империю от хаоса, или бросить вызов системе, где сама любовь считается преступлением.

© Vane M., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Главные герои	5
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Mira Vane

Сад на двоих

Главные герои

Лиана. Двадцать лет. Единственная садовница запретного сада императора Шэня. Роста невысокого, тонкая в запястьях, но сильная в плечах от многолетней работы с землёй и ветвями. Волосы цвета тёмной сливы, длинные, всегда собраны в низкий узел, перевязанный простой лентой из конопляной ткани. Глаза зелёного оттенка, какого бывает сортовой чай первого весеннего сбора: прозрачный, с золотистым дном. Кожа светлая, чуть тронутая солнцем только на скулах и на переносице. Руки грубоватые, с тонкими шрамами от шипов роз, которые она выращивает в дальнем углу сада. Говорит мало, смеётся ещё реже, но когда улыбается, кажется, что в комнате становится светлее. Носит простое платье из неокрашенного полотна, поверх которого накинута короткая безрукавка из тёмного сукна. На шее на тонкой бечеве висит сушёный цветок камелии, единственная вещь, оставшаяся от матери. Не помнит родителей, не помнит мира за стеной сада. Знает цветы, землю, дождь, ветер, луну. Боится высоты и тишины, которая наступает, когда сад засыпает. Любит запах мокрой земли после дождя и звук падающих лепестков. Присматривает за садом с шести лет, когда старый садовник Цао взял её за руку и повёл между грядок. Не знает, что сад слушает её мысли. Не знает, что её мать была хранительницей сада до неё, а отец был стражем, который бежал и не вернулся. Не знает, что император Шэнь держит её здесь не из милости, а потому что без неё сад умрёт, а вместе с ним рухнет вся система власти, построенная на контроле над цветением.

Кай. Двадцать четыре года. Бывший страж третьего ранга дворцовой гвардии императора Шэня. Высокий, поджарый, с длинными руками и ногами бойца, привыкшего к мечу и к долгим переходам. Волосы чёрные, коротко стриженные, с одной прядью, которая всегда падает на лоб и которую он имеет привычку убирать тыльной стороной ладони. Лицо узкое, скуластое, с тонким прямым носом и чуть раскосыми тёмно-кариими глазами, которые на солнце отдают янтарём. Левая бровь рассечена старым шрамом, тонким, почти белым. Ещё один шрам проходит по рёбрам справа, напоминание о тренировочном бое, который вышел из-под контроля. Носит потёртую форму стража: тёмный халат с обрезанными нашивками ранга, штаны, обмотки на голени. Меч сломан, осталась только рукоять с обрывком клинка длиной в ладонь. Родом из рыбацкой деревни на восточном побережье, откуда был взят в гвардию в возрасте двенадцати лет. Помнит запах солёной рыбы и крики чаек, но старается не вспоминать. Молчалив, но не по причине замкнутости, а потому что привык думать прежде, чем говорить. Умен, наблюдателен, читает людей быстрее, чем книги. Бежал из гвардии, отказавшись выполнить приказ: командир велел ему сжечь дом старого травника, который якобы украл императорский корень. Кай вошёл в дом, увидел спящего ребёнка и слепую старуху, и не смог поджечь. За это его приговорили к сорока ударам плетью и изгнанию. Он бежал раньше, чем приговор привели в исполнение. Прячется в зарослях бамбука у северной стены запретного сада. Не знает, что сад живой. Не знает, что внутри живёт девушка, которая держит в руках судьбу целого царства. Боится замкнутых пространств и собственного милосердия, которое однажды уже едва не стоило ему жизни. Любит ветер, открытые пространства и звук воды.

Император Шэнь. Тридцать восемь лет. Высокий, худой, с лицом, которое кажется выточенным из белого нефрита: безупречные линии, тонкие губы, чуть раскосые глаза цвета тёмного малахита. Волосы длинные, прямые, иссиня-чёрные, уложенные по строгой придворной моде и закреплены серебряной заколкой в форме свернувшегося дракона. Носит одежды из шёлка глубокого тёмно-синего цвета, расшитые серебряными нитями по краям. Вся его внеш-

ность подчинена одному принципу: ничто не должно привлекать внимания, ничто не должно выдавать эмоций. Холоден, сдержан, говорит тихо, но каждое слово весит, как камень. Пришёл к власти в двадцать лет, после того как его старший брат погиб при невыясненных обстоятельствах. С тех пор управляет городом и провинцией через систему контроля над цветением: цветы в этом мире не просто растут, они отвечают на волю правителя. Если правитель силен и спокоен, цветы цветут по графику, обеспечивая город лекарствами, красителями, пряностями. Если правитель слабеет или теряет контроль над эмоциями, цветение выходит из графика, и экономика рушится. Шэнь создал систему, в которой любовь, страсть, сильные чувства считаются угрозой порядка. Запретный сад нужен ему как источник и регулятор: через садовницу он контролирует магию цветения, а через цветение контролирует всё. Женился один раз, жена умерла при родах. С тех пор один. Бойится собственной уязвимости и того, что кто-то увидит в нём человека, а не символ власти.

Мэй. Шестьдесят два года. Старая служанка, приставленная к Лине с самого детства. Невысокая, круглая, с лицом, покрытым морщинами, которые лежат так ровно, будто нарисованы кистью. Глаза маленькие, чёрные, внимательные. Руки тёплые, всегда пахнут рисовой кашей и сушёными травами. Ходит тихо, говорит мало, но каждое слово точно. Знает больше, чем показывает. Знает, кто была мать Лины. Знает, почему садовница никогда не должна покидать сад. Знает, что цветок камелии на шее Лины не просто украшение, а ключ к старой магии, старше империи. Носит тёмно-серый халат служанки и накидку из овечьей шерсти зимой. Любит Лину как внучку, но никогда не говорит ей этого прямо.

Тэн. Тридцать один год. Командир дворцовой гвардии, непосредственный начальник Кая до его побега. Коренастый, с бычьей шеей и коротко стриженными жёсткими волосами. Лицо широкое, с тяжёлой челюстью и маленькими глубоко посаженными глазами. Шрам на верхней губе, от которого верхняя губа всегда кажется чуть приподнятой, будто он усмехается. Носит полный доспех гвардейца: тёмный панцирь, наручи, пояс с двумя короткими мечами. Верноподданный императора, но не из страха, а из убеждения: считает, что порядок важнее свободы, а контроль важнее чувств. Преследует Кая не из мести, а потому что беглый страж это нарушение системы, а нарушение нужно исправить. Жесток, но не жесток по природе, а по принципу. Не понимает, зачем Кай не поджёг дом. Не понимает, зачем кто-то ставит чужую жизнь выше приказа.

Часть первая. САД

Глава 1. Утро в саду

Сад просыпался раньше Лины. Это она знала точно, хотя не могла объяснить, откуда. Просто знала. Каждое утро, открывая глаза в своей маленькой комнате с окном, выходящим на восточную стену, она чувствовала, как за тонкой перегородкой из рисовой бумаги сад уже шевелится, дышит, раскрывает лепестки навстречу первым лучам. Она лежала ещё минуту, две, слушая это дыхание, которое не было ветром и не было звуком, а было чем-то между, чем-то, что ощущалось не ушами, а грудной клеткой, как второй пульс, более медленный и глубокий, чем её собственный.

Потом она вставала. Босые ноги касались деревянного пола, прохладного даже летом, и она шла к умывальнику, глиняному кувшину с водой, который Мэй каждый вечер ставила у двери. Умывалась медленно, не потому что любила этот ритуал, а потому что вода была единственным, что связывало её с чем-то за пределами сада. Дождь падал с неба, и небо было единственным, что она видела поверх стен. Стены были высокими, в три человеческих роста, сложенными из серого камня, поверх которого вилась колючая лоза с мелкими белыми цветами, которые не имели запаха. Лина знала каждый камень в этой стене, каждую трещину, каждый островок мха. Она знала сад так, как знала собственное тело: с закрытыми глазами, на ощупь, по запаху и по звуку.

Сад был большим. Не просто большим, а огромным, если мерить его не шагами, а ощущением. По периметру он занимал площадь, равную площади небольшого городка, но внутри казался бесконечным, потому что дорожки петляли, рощицы смыкались, и взгляд натывался на живые изгороди, за которыми открывались новые и новые уголки. Здесь были вишневые деревья, пионы, камелии, азалии, хризантемы, орхидеи, лотосы в двух прудах, бамбук, сосны, мхи, папоротники, и даже небольшой участок с мандариновыми деревьями, плоды на которых никогда не созревали до конца, а оставались зелёными, словно замершими на полпути. Лина давно перестала задаваться вопросом, почему. Сад делал, что хотел, а она лишь помогала ему.

В этом утреннем ритуале не было ничего особенного. Она выходила из комнаты, проходила по деревянной галерее, спускалась по трём ступенькам на утопанную землю и шла по главной дорожке к центру сада, где росло дерево. Просто дерево. Оно не было ни самым высоким, ни самым красивым, ни самым старым. Но именно вокруг него всё вращалось, и именно к нему она шла каждое утро, чтобы положить ладонь на кору и постоять так, закрыв глаза, слушая, как сад говорит с ней через это дерево, как через дверь.

Дерево называлось Му. Лина не помнила, кто дал ему это имя, может быть, она сама, в детстве, когда деревья были для неё живыми существами с именами и характерами. Му было невысоким, с кривым стволом и расходящейся кроной, похожей на растопыренные пальцы. Кора у него была серой, грубой, с продольными трещинами, из которых весной сочился прозрачный сок, сладковатый на вкус. Листья были мелкие, круглые, тёмно-зелёные сверху и серебристые снизу, и при ветре крона мерцала, как переворачивающаяся монета. Цветы появлялись на Му только два раза в год, и каждый раз это был другой цвет: один раз розовые, другой раз белые, и Лина никогда не могла угадать заранее.

Она положила ладонь на кору. Тепло. Не от солнца, а от дерева, от его внутреннего тока, который шёл от корней к кроне и обратно, как кровь по жилам. Лина стояла так каждый день по несколько минут, и каждый раз это было похоже на то, как будто она ныряет в тёплую воду: сначала по щиколотку, потом по колено, потом по пояс, пока ощущение не охватывало всю её целиком, и она переставала чувствовать границу между собой и деревом. Сад входил в неё, а она входила в сад, и это было так привычно, что она не мыслила об этом, как не мыслишь о дыхании.

Сегодня сад говорил с ней иначе. Не тревожно, нет, но с какой-то новой нотой, как струна, которую тронули пальцем, не сняв со старого аккорда. Лина нахмурилась, но не открыла глаз. Постояла ещё. Потом медленно убрала руку и пошла по дорожке, обходя сад по привычному маршруту: сначала восточная роща вишневых деревьев, где нужно было собрать опавшие за ночь ветки, потом клумбы пионов, где земля была слишком влажной после вчерашнего дождя, потом пруд с лотосами, где листья накренились и нужно было поправить камни у бортика.

Мэй появилась у пруда с подносом, на котором стояла миска с рисовой кашей и чашка зелёного чая. Поставила поднос на плоский камень у воды и отступила на шаг. Лина кивнула, не оборачиваясь. Она знала, что Мэй стоит за спиной, что она смотрит, как всегда, с этим выражением, которое Лина не могла назвать, но чувствовала: не жалость, не тревога, а что-то более глубокое, похожее на ожидание. Будто Мэй ждала, когда Лина что-то поймёт, что-то, что старая служанка знала, но не могла сказать.

Лина присела у камня, взяла миску обеими руками. Каша была горячей, чуть сладковатой, с кусочками тыквы. Она ела медленно, глядя на воду. Лотосы на пруду ещё не раскрылись, плотные бутоны стояли, как зелёные кулачки, выставленные над водой. В одном из них что-то шевельнулось, и Лина увидела тонкую щель, из которой проступил бледно-розовый лепесток. Она замерла с ложкой у рта. Бутон раскрылся чуть шире, и лепесток дрогнул, будто бутон дышал. Это было нормально. Лотосы раскрывались в любое время дня, не только утром. Но что-то в том, как раскрылся этот, показалось ей не таким, как обычно. Слишком быстро. Слишком ярко. Розовый цвет был насыщеннее, чем у других лотосов, и лепесток был крупнее, и

бутон раскрылся так широко, что обнажил сердцевину, чего лотосы обычно не делали в первый день.

Лина поставила миску и наклонилась к воде. Сердцевина лотоса была золотой, как солнце, и от неё шёл тонкий, едва уловимый запах, которого Лина не знала. Не лотос, не роза, не что-либо из того, что она выращивала. Другой. Глубокий, тёплый, с нотой, которая заставляла её сердце забиться чуть быстрее, и она не поняла почему.

Мэй подошла ближе. Её маленькие чёрные глаза впились в лотос, и Лина увидела, как старая служанка побледнела. Это было так неожиданно, что Лина забыла про цветок. Мэй никогда не менялась в лице. Ни разу за все годы, что Лина помнила. Ни от страха, ни от боли, ни от злости. А тут побледнела так, что морщины на её лице стали казаться глубже и темнее.

Мэй ничего не сказала. Только взяла поднос и ушла, и Лина услышала, как она ускорила шаг, что тоже было неслыханно: Мэй ходила всегда ровно, не торопясь, будто измеряя расстояния шагами, как линейкой. Лина посмотрела ей вслед, потом снова на лотос. Бутон раскрылся ещё шире, и теперь казалось, что он смотрит на неё, что у него есть глаза, и эти глаза золотые и внимательные.

Лина встала, отряхнула колени и пошла за Мэй. Но догнала её уже у двери в служебную комнату, куда Мэй заходила только для того, чтобы взять еду или убрать посуду. Мэй стояла спиной к двери, держа поднос обеими руками, и плечи у неё чуть подрагивали.

Лина окликнула её. Мэй обернулась, и лицо её уже было спокойным, как всегда, и только руки, сжимавшие поднос, выдали её: костяшки побелели.

Мэй посмотрела на неё долго, так долго, что Лина почувствовала неловкость. Потом старая служанка поставила поднос на полку и сказала ровным голосом, что ничего страшного, что лотосы иногда раскрываются рано, когда вода прогревается быстрее обычного, что весна в этом году тёплая. Но Лина знала, что Мэй лжёт. Не потому что голос её дрогнул, нет, голос был ровным. А потому что Мэй никогда не объясняла. Она просто говорила, что делать, а Лина делала. Объяснений не было. И вдруг появились, и это было хуже любого молчания.

Лина не стала спорить. Кивнула, вернулась в сад и провела остаток утра, обходя клумбы и рыхля землю, но мысли её были не здесь. Она думала о лотосе, о золотой сердцевине, о запахе, который не смогла узнать. И о Мэй, которая побледнела. И о саде, который сегодня говорил с ней по-другому, с новой нотой, которую она не могла разобрать.

К полудню солнце поднялось высоко, и сад залило светом, от которого листья стали прозрачными, как окрашенная слюда. Лина сидела под вишневым деревом на краю восточной рощи и перебирала сухие ветки, складывая их в кучу для компоста. Ветки были тонкие, с подсохшими бутонами, которые так и не раскрылись. Она перебирала их одну за другой, и пальцы её пахли горьковатой зеленью, и мысли её текли медленно, как вода по плоскому камню.

Потом она услышала звук.

Не из сада. Со стороны стены. Северной стены, за которой был бамбуковый лес, который она знала только по звуку: когда ветер дул с севера, бамбук стучал, как деревянные колокольчики. Но сейчас ветра не было, и звук был другим. Скребущий. Тихий, настойчивый, будто кто-то пытался протиснуться между камнями. Потом глухой удар, шорох осыпавшейся земли, и тяжёлое дыхание, которое она не должна была слышать сквозь стену в три роста, но услышала, потому что сад усиливал звуки, когда хотел.

Лина замерла. Ветка в её руке хрустнула. Она уронила её и встала, тихо, не дыша. Прислушалась. Звук повторился, ближе, и теперь она различила в нём нечто живое, человеческое: не звериное рычание и не скрип дерева, а тяжёлый, прерывистый вздох, какой бывает у человека, который долго бежал и остановился, чтобы перевести дыхание, но не может.

Она двинулась к северной стене. Дорожка вела через бамбуковую рощу, которая росла внутри сада, вдоль стены, и стебли были густые и зелёные, и сквозь них нельзя было ничего

разглядеть. Лина шла тихо, босиком, ступая на мягкую землю, и бамбук смыкался за ней, как занавес. У стены она остановилась.

Звук шёл снизу, от земли. Она опустилась на колени и увидела, что в стене, у самого основания, есть трещина, о которой она не знала. Трещина была узкая, но земля под ней была свежей, разрытой, и из неё торчал обломок чего-то, что Лина сначала не узнала, а потом поняла: рукоять меча. Тёмная, обмотанная кожей, с обрывком клинка, который был сломан под углом. Из трещины слышалось дыхание, теперь громче, и Лина поняла, что по ту сторону стены кто-то лежит, прижавшись к камню, и этот кто-то ранен или измотан, потому что дыхание было неровным, с хрипом на выдохе.

Она не знала, что делать. Не потому что испугалась, а потому что за всю свою жизнь она не сталкивалась с чем-то, что шло извне. Сад был её миром, замкнутым, полным, самодостаточным. Извне не приходило ничего, кроме дождя и солнца, и изредка Мэй с подносом. А тут из-под стены торчал обломок меча, и кто-то дышал, и это дыхание было живым, человеческим, и от него веяло чем-то, чего Лина не знала: потом, кровью, усталостью, страхом, всем тем, что не было в её мире, где единственным страхом была тишина спящего сада.

Она наклонилась ближе. Земля под трещиной была мокрой, и от неё пахло влагой и железом. Кровь. Лина знала этот запах: когда она срезала розы, иногда кровь выступала на пальце, и запах был таким же, только слабее. Здесь он был сильнее, гуще, и от него голова закружилась, не от отвращения, а от чего-то другого, чего она не могла назвать.

Лина положила ладонь на землю у трещины и почувствовала, как сад отзывается: пульс из дерева Му дошёл сюда, и под её ладонью земля чуть дрогнула, как будто сад тоже почувствовал чужака и не знал, что с ним делать. Лина прислушалась к этому ощущению. Сад не отторгал. Не радовался. Просто заметил, как человек замечает новую тень на стене: ещё не решил, что это, но уже увидел.

Она решилась. Пальцы её просунулись в трещину, и она нащупала тёплую, мокрую от крови ткань. Кто-то вздрогнул от её прикосновения, и дыхание оборвалось, а потом возобновилось, ещё более неровное. Лина убрала руку. Сердце её билось быстро, как у птицы, и ладони были мокрыми, но не от крови, а от волнения, которого она не могла объяснить.

Она отошла от стены, вернулась к вишневому дереву, взяла мотыгу и лопату, которые стояли у ствола, и пошла обратно. Расширила трещину осторожно, вынимая камни по одному, складывая их рядом, чтобы потом можно было заложить обратно. Земля поддавалась, и трещина расширялась, пока в неё не мог пролезть человек, если бы он был очень худ и очень гибок. Лина заглянула внутрь и увидела ногу. Босую, грязную, с мозолями на подошве и со ссадиной на щиколотке, которая кровоточила. Нога не шевелилась.

Лина протянула руку и коснулась щиколотки. Кожа была горячее, как от лихорадки. Она обхватила ногу и потянула, медленно, осторожно, и земля осыпалась, и нога подалась, и за ней потянулось тело, и оно было тяжёлым, и Лина уперлась ногами в камни и потянула сильнее, и из трещины, как из родовых путей, вышел человек.

Он был без сознания. Молодой, в тёмном халате с обрезанными нашивками, с короткими волосами и одной прядью, упавшей на лицо. Лицо было бледным, покрытым пылью и потом, и левая бровь была рассечена старым шрамом. Руки были длинные, и на правой ладони были ссадины, как от верёвки или от камней. На левом боку, под халатом, Лина увидела тёмное пятно, и когда она оттянула ткань, обнаружила рану: длинный, неглубокий порез, который уже затянулся коркой, но корка треснула, и кровь сочилась медленно, тёмно-красная, густая.

Лина сидела на земле рядом с ним и смотрела. Она никогда раньше не видела мужчину так близко. Мэй не в счёт, Мэй была старой женщиной, и кроме неё в саду не было людей. Только однажды, в детстве, Лина видела старого садовника Цао, но он умер, когда ей было шесть, и она помнила только его руки, тёмные и узловатые, как корни дерева. Этот человек был не похож на Цао. Он был молод, и тело его было сложено иначе, и от него пахло иначе, не

землёй и травами, а чем-то резким, сильным, человеческим, от чего у Лины кружилась голова и сердце билось быстрее, чем когда она бегала по дорожкам сада.

Сад вдруг вздохнул. Не дерево, не ветер, а весь сад, разом, как один живой организм, и Лина почувствовала, как пульс из дерева Му прокатился по земле, по корням, по стеблям, по каждому лепестку, и все цветы в саду, все до одного, повернулись к северной стене, к этому месту, где лежал незнакомец, и Лина сидела рядом с ним на свежевскопанной земле, и не понимала, что происходит, но чувствовала: что-то началось.

Глава 2. Незнакомец

Лина перетащила его под навес, который она соорудила из бамбуковых жердей и рогожи в дальнем углу сада, между прудом и северной стеной. Навес был старым, он служил ей укрытием от дождя, когда она работала в этой части сада и не хотела возвращаться в комнату. Под навесом была циновка, глиняный кувшин с водой и несколько чистых тряпок, которые Лина использовала для перевязки розовых кустов зимой.

Она уложила его на циновку. Он был тяжелее, чем казалось, пока она тащила его, и теперь, когда он лежал, его тело казалось длинным и угловатым, локти и колени торчали под халатом, как сучки на стволе. Лина разрежала халат на левом боку, обнажив рану. Порез шёл по рёбрам, не глубоко, но длинно, и края раны были воспалены, красные и горячие на ощупь. Она промыла рану водой из кувшина, стараясь быть аккуратной, но он застонал, когда вода попала на открытую плоть, и его рука дёрнулась и схватила её за запястье.

Лина замерла. Его хватка была сильной, пальцы обхватили её запястье, как тиски, и глаза его были открыты, но не видели: тёмно-карие, расширенные, с белками, проступавшими по краям, как у человека, который просыпается от кошмара и ещё не понимает, где он. Он смотрел на неё, и она смотрела на него, и время остановилось, как оно иногда останавливается в саду, когда ветер затихает и листья замирают, и кажется, что мир задержал дыхание.

Потом его хватка ослабла, и глаза его сфокусировались, и он увидел её. Лицо его изменилось: напряжение ушло, и на его месте появилось что-то другое, не страх и не удивление, а скорее узнавание, как будто он искал что-то и нашёл, хотя не мог бы объяснить, что именно. Он разжал пальцы, и Лина убрала руку, и на запястье остались белые следы от его хватки, которые медленно налились розовым.

Он попытался сесть. Лина положила ладонь ему на плечо и мягко надавила, и он лёг обратно, и его глаза не отрывались от её лица. Он был слаб, и это было видно по тому, как он дышал: коротко, поверхностно, как человек, который боится сделать глубокий вдох, потому что ребра болят. Лина взяла чистую тряпку, смочила её в воде и приложила к ране. Он стиснул зубы, но не застонал. Она обмотала тряпку вокруг его туловища, привязанную по правой стороне, где рёбра были целы. Пока она обматывала, её пальцы касались его кожи, и кожа была горячей, гладкой, с тонкими мышцами под ней, которые напрягались от боли, и Лина чувствовала это напряжение под кончиками пальцев, и от этого ощущения у неё перехватывало дыхание, и она не понимала почему.

Она закончила перевязку и отодвинулась. Села на пятки, сложив руки на коленях. Он лежал и смотрел на неё. Молчание было долгим, но не тягостным. Сад вокруг них шумел, как всегда: ветер в бамбуке, птицы в вишневых деревьях, вода в пруду. Но между ними была тишина, особая, плотная, как ткань, и Лина не хотела её нарушать.

Потом он заговорил. Голос был хриплым, тихим, и слова давались с трудом, как будто он давно не разговаривал или как будто горло было сухим. Он спросил, где он. Лина ответила, что он в саду. Он спросил, чей сад. Она сказала, что её. Он усмехнулся, и от этой усмешки его лицо изменилось, стало моложе, мягче, и шрам на брови почти исчез в складке кожи. Он сказал, что его зовут Кай. Лина кивнула. Он закрыл глаза и заснул, и дыхание его стало ровным, и напряжение ушло из тела, и он лежал на циновке, и Лина сидела рядом и смотрела, как он спит, и сад вокруг них дышал ровно и глубоко, как будто тоже уснул.

Мэй пришла вечером, как обычно, с подносом: рис, маринованные овощи, чай. Она поставила поднос у двери комнаты Лины и уже собиралась уйти, когда Лина окликнула её и сказала, что в саду человек. Мэй застыла. Её маленькие чёрные глаза стали ещё меньше, и лицо окаменело. Она спросила, какой человек. Лина ответила, что незнакомец, раненый, пришёл снаружи, через трещину в стене. Мэй стояла неподвижно, и Лина видела, как тень прошла по её лицу, быстрая, как облако по земле, и исчезла.

Мэй сказала, чтобы Лина принесла поднос в сад, и не задавала вопросов. Лина взяла поднос и пошла. Когда она вернулась к навесу, Кай ещё спал. Она поставила поднос рядом с циновкой и села. Солнце садилось за стену, и тени удлиннились, и вишневые деревья стали чёрными на оранжевом небе. Лина смотрела на закат и думала, что сегодня небо было другого цвета, более тёплого, более густого, и облака на нём лежали так, как лепестки на воде, и ей казалось, что сад показывает ей что-то, чего она раньше не видела, или что раньше не замечала.

Кай проснулся ночью. Лина не спала, она сидела рядом, облокотившись на бамбуковую опору навеса, и смотрела на звёзды, которые были видны в просвет между стенами. Он повернул голову и посмотрел на неё, и в темноте его глаза казались чёрными, бездонными. Он сказал тихо, что она не спит. Она ответила, что не хочет. Он спросил, почему. Она сказала, что не может оставить его одного, потому что он ранен. Он помолчал и сказал, что он в порядке. Она сказала, что нет, не в порядке, потому что у него жар и рана воспалена. Он не ответил. Она взяла миску с остывшим рисом и протянула ему. Он сел, опираясь спиной на бамбуковую опору, и взял миску, и ел медленно, и Лина видела, как он старается не показать, что ему больно, когда он двигает левой рукой, и от этого её сердце сжималось, и она не понимала, почему.

Когда он доел, он поставил миску на землю и спросил, как её зовут. Она сказала. Лина. Он повторил, и его голос был другим, мягче, тише, и имя в его устах прозвучало так, как будто он пробовал его на вкус, и Лина почувствовала, как тепло разлилось по её груди, и опустила глаза, и пальцы её сцепились в складках платья, и она не знала, куда деть руки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.